

"ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗАБЫТЫХ ОДЕССИТОВ" Из новой книги

Двадцать тысяч лье над водой

Упоминание о Жюле Верне тут вполне уместно: это же его литературный герой "Упрямец Керабан" из одноименного романа оказался в Одессе единственно по причине своего сумасбродства. Не желая платить в Стамбуле пошлину за проезд через Босфор, он обогнул все Черное море против часовой стрелки, зато посетил наш благословенный город. Тем не менее, встречались в старой Одессе светские шалопаи и порельефнее. Вот один образчик.

Чудное семейство

Родственное окружение нашего героя представляется занимательнейшей галереей. Кологривовы — старинный дворянский род, первоначально носивший фамилию Пушкины, но поскольку патриарх Иван Тимофеевич служил княжеским конюшим, ходил, так сказать, около гривы, то и получил прозвище "кологрив". Потомки — один другого ярче. Дмитрий Михайлович, обер-церемониймейстер и гофмейстер, тайный советник, камергер, масон, сводный брат князя Александра Николаевича Голицына, рельефный персонаж "Старой Москвы" М.И. Пыляева, большой оригинал. Вместе с другим князем Голицыным, добродушным толстяком Федором Сергеевичем, они устраивали выдающиеся розыгрыши и мистификации, порой принимавшие скандальный оттенок. Переодевшись нищенками или монахинями, они приставали к прохожим, ругались на чухонском наречии (не по фене, а по-фински), проникали в великосветские особняки, вплоть до гостиной Т.Б. Потемкиной, где принялись плясать в присядку, задрав рясы и до смерти перепугав богомольную хозяйку, скандалили на паперти с "конкурирующей фирмой", а однажды перед развернутым строем кавалерийского полка в Гатчине и в присутствии императора пронесли верхом ряженные, изображая влюбленную парочку со свитой. И все сходило им с рук. По слухам, Дмитрий Михайлович мог бы сделать и лучшую карьеру, если бы на каком-то важном приеме украдкой не вытащил стул из-под важного заморского дипломата.

Супруга кавалергардского полковника Петра Алексеевича Кологривова Прасковья Юрьевна, урожденная Трубецкая, в первом браке княгиня Гагарина — первая русская воздухоплавательница и не последняя красавица. А.С. Грибоедов немножко переименовал ее:

Татьяна Юрьевна!!! Известная, — притом
Чиновные и должностные —
Все ей друзья и все родные;
К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить вам...

Как обходительна! добра! мила! проста!
Балы дает нельзя богаче
От Рождества и до Поста,
И летом праздники на даче.

По словам декабриста Д.И. Завалишина, Прасковья Юрьевна "прославилась особенно тем, что муж ее, однажды спрошенный на бале одним высоким лицом, кто он такой, до того растерялся, что сказал, что он муж Прасковьи Юрьевны, полагая, вероятно, что это звание важнее всех его титулов". Ее старшая дочь Вера Федоровна вышла замуж за князя П.А. Вяземского. Многие Кологривовы — знакомые Пушкина.

Отец нашего героя, генерал от кавалерии Андрей Семенович Кологривов, — выдающийся военачальник и широко образованный человек либерального направления, кавалер орденов Святого Владимира 1-й степени, Святого Александра Невского с алмазами, Святого Георгия 3-й степени, командор ордена Иоанна Иерусалимского. Верный императору Павлу, был арестован собственными подчиненными в ходе покушения, однако в дальнейшем героически возглавлял кавалерию в сражениях при Аустерлице, Фридрихсберге и др., занимался организацией кавалерийских резервов в 1812-1813 годах, его адъютантами состояли братья Бегичевы и Грибоедов. Мать — кавалерственная дама Екатерина Александровна, урожденная Челищева. Дядя, Лука Семенович, — тверской губернатор. Двоюродный брат, Александр Лукич, — декабрист.

Огромной популярностью пользовался дом Кологривовых на Тверском бульваре (отделан в 1823 году), обустройством которого занималась главным образом Екатерина Александровна. Был он одним из наиболее значимых культурных гнезд старой Москвы, где, например, заправлял балами знаменитый ту пору танцмейстер Петр Йогель, упоминаемый

Л.Н. Толстым. Здесь веселилась золотая молодежь, перебивали все известные лица своего времени. В те годы сын Андрея Семеновича и Екатерины Александровны Мишенька Кологривов под руководством своего наставника Б.И. Иона, швейцарца, превосходного воспитателя, эрудированного юриста, прежнего гувернера, а затем секунданта Грибоедова на небезызвестной двойной дуэли Заводовского и Шереметьева (где А. С. должен был драться с Якубовичем), изучал классические языки и штудировал римское право. После кончины отца в 1825 году опекунство над мальчиком принял его бывший адъютант и родственник Д.Н. Бегичев, впоследствии воронежский губернатор, известный литератор. Говоря короче, полихромное окружение юного Кологривова предвещало неординарный результат.

"От Севильи до Гренады"

Со сказанным интеллектуальным и эмоциональным багажом, а в перспективе — поместьями, дававшими, по крайней мере, 200 тысяч рублей чистого годового дохода, подобно современным пушкинским героям, отправился он на учебу в Германию. Однако в отличие от них, явно не без влияния Иона, выбрал "протестантский богословский факультет" в Тюбингене, что было, конечно, поступком неординарным для потомственного российского дворянина. Сопровождаемый преданным наставником, юноша усердно прослушал шесть семестров, сдал соответствующие экзамены, получил диплом доктора теологии, но пастором, естественно, не стал, а направился в Париж, где поступил в знаменитую Политехническую школу. Едва Кологривов с отличием закончил курс наук, как грянула июльская революция 1830 года. Студенты школы приняли более чем активное участие в этой заварухе, и наш выпускник сражался на баррикадах с монархистами под соответствующими лозунгами, и даже получил "июльский крест" от сформированного впоследствии парламента. Говорят, он состоял чуть ли не адъютантом при знаменитом Лафайете.

Далее в Кологривове возобладал присущий ему дух противоречий, он вступил волонтером в войско реакционного претендента на испанский престол дон Карлоса Мария Исидоро ("Священный легион" генерала Ф.-Э. Мина), пересек Пиренеи и, стало быть, готовился сражаться уже против только что превозносимых им парламентских и конституционных идей, за легитимную монархию, был адъютантом генерала Мина, заслужил чин лейтенанта испанской армии. Впрочем, так называемых "кар-

листских войн", развернувшихся с 1833 года, он так и не дождался. Необычные экзерсисы взбалмошного россиянина дошли до "высочайших ушей", и тогда император Николай Павлович велел немедленно разыскать его и воротить в Россию, уточнив, что в противном случае наложит секвестр на все движимое и недвижимое имущество ослушника. Опекун Бегичев и наставник Иона по мере сил покрывали своего подопечного. Но тут и сам искатель приключений припустил на родину после недолгих раздумий: как свидетельствует мемуарист, промен "своих воронежских мужичков и тысячи десятин чернозема" превосходил меру его преданности "убеждениям".

Грозный монарх лично потребовал объяснений, на что Кологривов якобы восторженно заявил: "Желал, ваше величество, показать иностранцам, как умеют драться люди, имеющие счастье быть вашими подданными". Император, сказывают, чуть не прослезился: "Узнаю в тебе достойного сына России". И расцеловал храбреца. Встреча эта имела, однако, самые непредсказуемые последствия. Восхищение Николая I не помешало ему на следующий же день отправить "героя" рядовым на Кавказ в сопровождении жандарма.

"Кавказ подо мною"

Судьба М.А. Кологривова привлекла внимание двух советских академических "кавалерственных дам" — правоверной компартийной Ольги Орлик и интеллигентной рафинированной Милицы Нечкиной. Первая некогда на полном серьезе написала: мол, Кологривов не вынес испытания солдатчиной (с 1832 года), и молодым отдал Богу душу. Вторая откровенно заявила о лакунах в его биографии. Длительный одесский период жизни Кологривова остался совершенно вне поля зрения исследователей.

Меж тем Михаил семь лет провоевал в самых "горячих точках", показал-таки себя смельчаком, был произведен в офицеры, вышел в отставку подпоручиком, перебрался с кавказского побережья в европеизованную Одессу. Тут он нашел старого знакомого по Кавказу, служившего в портовой таможне любимца общества Льва Сергеевича Пушкина, который перезнакомил его со всеми здешними светскими львами, гуляками и вообще "золотой молодежью средних лет", включая графов Николая Самойлова и Павла Гагарина, выдающихся остряков Ильина, Соколова, Ягницкого (Ивана, брата адъютанта Воронцова). Тогда, в конце 1830-х, город был наводнен известными в русской и региональной истории персонажами, осо-

бенно в купальный сезон, еще можно было отобедать у Отона, остановиться в пушкинском номере клубного дома барона Рено, совершить морскую прогулку на его же хутор, где в последнюю турецкую кампанию обитали императрица с инфантой, посетить итальянскую оперу, завести интрижку с солисткой, совершить экскурсию по трактирным заведениям и "пансионам без знания древних языков" немецкого, итальянского, греческого, турецкого и прочего формата. Как вполне совершеннолетний и легальный гражданин Кологривов был избавлен от опекунов, вступил во владение полагающейся ему львиной долей наследства. Наш искатель приключений купил два великолепных приморских хутора и избрал весьма оригинальную стратегию поведения, а равно социальных и научных занятий.

Он застал еще в Одессе графа М.С. Воронцова, назначенного через несколько лет кавказским наместником, какового просил о дозволении "произвести на купленном им небольшом судне ученое исследование берегов Черного моря". Генерал-губернатор всегда поощрял подобные проекты, а потому велел начальникам всех прибрежных мест оказывать всяческое содействие "ученому исследователю". Получив протекцию, Кологривов доверху загрузил кораблик алкоголем и отправился в круиз по крымско-кавказской линии. Зайдет в порт, бросит якорь, перезнакомится со всеми наличествующими морскими и армейскими офицерами, зазовет к себе на яхту, "и начинается питье насмерть". Споев всех до единого, идет себе дальше — из Феодосии в Керчь, из Керчи в Тамань, вдоль всего кавказского побережья. Так и двигался, "укладывая последовательно в лоск мадерою и коньяком военный персонал располагавшихся там одно за другим укреплений", резко повышая боевую и политическую подготовку. Когда Воронцову доложили о результатах оных "ученых трудов", неприимый вельможа подлинно британской закваски, никогда не позволявший себе даже намека на дурное слово, будто бы процедил сквозь зубы: "Этот господин Кологривов совсем негодный человек".

"Восток — дело тонкое"

Справедливости ради заметим, что наш герой ярко отличился на ниве благотворительности (1842-1850 гг.). Так, он чрезвычайно деятельно участвовал в устройстве Александровского детского приюта и Одесской богадельни сердобольных сестер, был отмечен по этому поводу самой императрицей и принят в почетные члены Одесского городского попечительства детских приютов. Однако дух противоречий продолжал толкать его на по-

ступки прямо противоположного свойства. Один из щедрых жертвователей Стурдзовской общины, он, по свидетельству мемуариста, в то же время устраивал вакхические безобразия на могиле графини Р.С. Эдлинг, урожденной Стурдзы. При этом Кологривов утверждал, что подобного рода акции имеют социальное значение.

Дело в том, что покойная графиня почиталась чуть ли не святой, а потому в народе ходили слухи о чудесных исцелениях на ее могиле, что в потустороннем мире она как бы вымалывает выздоровление недужных. Благонамеренный доктор теологии и политехники находил нужным рассеивать подобные бессмысленные суеверия черни "восточной деспотии", а потому и избрал памятник местом, "где, как дошло до начальства, совершались по ночам самые возмутительные оргии". Место погребения близ Воскресенской церкви — бывший хутор умелого садовода, отставного ротмистра Иосифа Чижевича — находилось на обрывистом морском берегу, и открывалось мореходам, следовавшим в гавань со стороны мыса Большой Фонтан и тамошнего маяка, так называемого Одесского. Разжигаемый по ходу очередного "сейшна" большой костер, кроме всего прочего, дезориентировал навигаторов, и возникала та же аварийная ситуация, что когда-то привела к устройству упомянутого маяка. В конце концов, подменявший находившегося уже на Кавказе Воронцова генерал-майор П.И. Федоров, говорят, сделал Кологривову деликатное замечание "не подавать повода ходящим по городу слухам о производящихся будто у него бесчинствах".

Здесь опять-таки следует оговориться: Михаил Кологривов действительно синхронно значится владельцем солидной недвижимости в этом районе и именуется помещиком. Но, как известно, хутор Стурдзы и бывший хутор Чижевича, где похоронена графиня Эдлинг, две разные, хотя и не столь уж отдаленные друг от друга территории. Да и сам А.С. Стурдза, отставной дипломат, известный теолог, литератор, в ту пору был живехонек, принимал на своей даче Гоголя и т. д. и прочее. Так что слухи в какой-то мере гипертрофированы.

Впрочем, Кологривов и в самом деле представляется фигурой довольно экстравагантной. Об этом можно судить и по основанной на реальных событиях литературной мистификации П.П. Вяземского — неизвестным письмам Оммер де Гелль (прототипы, супруги Ксавье и Аделаида Оммер де Гелль — реальные лица, участники естественнонаучной экспедиции в Южную Россию, издавшие в Париже соответствующие ученые записки), в которых Михаил Андреевич именуется графом Кологривов-

вым, жившим в Одессе вертопрахом под формальным надзором полиции и соорудившим грандиозный "укрепленный замок Бастилию", где устраивал грандиозные светские гулянья. Его часто и охотно навещали принимавшие активное участие в тех же, что и Михаил Андреевич, благотворительных акциях графини Воронцова и Шуазель-Гуфье, с первой из которых они нередко уединялись в тенистом саду и практиковались в стрельбе из пистолета по мишеням. Этим же временем датируется посещение Одессы родственниками и друзьями Кологривова — Бегичевыми, Челышевыми, Ионами.

"Это была оригинальная фигура, — несколько противоречиво замечает мемуарист, — роста немного ниже среднего, несколько сутулый, широкоплечий, в очках, с длинными по плечи волосами. Облеченный в длинное черное пальто и бархатную шапочку совершенно монашеского покроя, к женщинам он питал непримиримую ненависть и обладал, как уверяли меня лица компетентные, огромною начитанностью".

Исчерпав, если позволительно так выразиться, Одессу как полигон своей бурной деятельности, наш искатель приключений наводрился за рубеж. Известно, что он отправился на издавна очаровывавший его Восток, где, как говорили, попал "в большую милость к тамошнему хедиву Измаил-паше, которого тоже спойл-де насмерть". Этот молодой человек, как и Кологривов, учился в Париже, и в 1849 году вернулся в Каир совершеннейшим европейцем. Впоследствии Измаил правил страной настолько либерально и расточительно, что привел ее к полному банкротству. Тем не менее, за время правления он устроил первые железные дороги, умножил сеть каналов, улучшил Александрийскую гавань, создал театры и школы по европейским образцам. По всему видно, влияние взбалмошного россиянина имело место быть.

В четвертой части изданной князем Петром Долгоруковым "Российской родословной книги" указана дата кончины Михаила Кологривова — 1851 год, которая вызывает некоторые сомнения. Нами документально зафиксировано: в конце 1840-х он был еще в Одессе, а Измаил-паша в Париже. Что до последующего общения с хедивом, то оно изображено информированным мемуаристом как процесс, растянутый во времени. Не следует упускать из виду и тот факт, что в 1851 году Измаил еще не был хедивом (правителем Египта), то есть речь может идти о гораздо более поздних контактах. Далее. Высокопоставленные родители и близкие Кологривова покоятся на кладбище Данилова монастыря, причем мать ушла из жизни 14 декабря 1857 года. Трудно предположить, что тело Ми-

хаила, буде он скончался в Египте, не было бы доставлено из Каира в Одессу, и затем в Москву, как тогда практиковалось (можно привести множество примеров). Тем паче он, как и другие Кологривовы, располагал значительными средствами, да еще и был в фаворе у египетской верхушки. Что-то тут не стыкуется. Неспроста, повторяю, такой серьезный автор, как М.В. Нечкина, прямо пишет о многих пробелах в информации о его судьбе.

Мне удалось еще установить, что ранее, в январе 1844 года, отставной подпоручик Михаил Кологривов совершил путешествие (паломничество?) из Одессы в Иерусалим в сопровождении "дворового человека Ивана Федорова". Подробности этой поездки неизвестны, но сам факт можно занести в протокол как противоречиво характерный.

В последний раз, говорят, Михаила Андреевича видели в так называемой практической части одесского порта перед отходом рейсового парохода на Стамбул (который тогда в России упорно именовали на византийский манер Константинополем). Кологривов исподлобья, но как-то похорошему, прощально поглядывал на город, где прожил "несколько лет эту своею назидательною и душеспасительною жизнью".

